

Партология М.Дюверже и актуальные проблемы российского партогенеза

Владимир Егоров
Александр Морозов

Позитив теоретического наследия Мориса Дюверже современные исследователи оценивают прежде всего с точки зрения его значения для общего представления о политических партиях, имеющего конкретно-историческое измерение. То обстоятельство, что главный труд французского ученого «Политические партии» создавался в первой половине прошлого столетия, определило основные черты его содержания.

Во-первых, политические партии того времени развивались по восходящей, а *во-вторых*, рожденные эпохой острых социальных коллизий политические организации постепенно адаптировались в реальность «мирного существования», функционируя, в большей части, не как средство классовой консолидации, а как инструмент представительства общественных интересов, механизм взаимодействия общества и власти, отчего их социальное значение не только не утрачивалось, но, напротив, укреплялось.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ), первый заместитель директора Института стран СНГ. E-mail: korrka@mail.ru

МОРОЗОВ Александр Александрович – соискатель кафедры политологии и права МГОУ. E-mail: korrka@mail.ru

Ключевые слова: массовые и кадровые партии, современный тип партий, партийные машины, кокус, структурно-функциональная организация партий, «партийное предприятие».

Когда политологи обращаются сегодня к идеям М.Дюверже, то в поле их зрения оказываются те его положения и выводы, которые касаются условий и факторов зарождения и функционирования партий «в рамках электоральных и парламентских структур»¹, анализ их структурно-функциональной организации, актуальные политической реальности XX в.

Ограничен круг исследователей, пытающихся отыскать во взглядах М.Дюверже идеи, ценные не только с точки зрения ретроспективной оценки, но и современного развития партий.

Вместе с тем потенциал его трудов далеко не исчерпан, в том числе для изучения российской политической реальности. Например, облик сегодняшних парламентских партий России актуализирует характеристику, данную таким организациям более чем полвека назад.

«Для последних завоевание мест в политических ассамблеях, – писал он, – выступает основой жизни партии, оправданием ее существования и высшей целью бытия»¹.

Однако занимаясь исключительно завоеванием мест в представительном органе, партии все больше отдалялись от партийной среды, интересов рядовых членов. Познавший основы партологии из трудов предшественников, считавших, что политический деятель как представитель искусства «значит для других то, что он значит и вообще»², М.Дюверже видел наметившийся разлом между парламентскими партиями и общесственными потребностями.

Значительно более «социализированную миссию» М.Дюверже отводил внепарламентским партиям «внеш-

него происхождения», цель которых, по его мнению, состоит в продвижении «в политическую жизнь определенных духовных и моральных ценностей», неценных с точки зрения воспитания своих сторонников, а по большому счету формирования гражданской идентичности.

Основополагающее отличие позволило исследователю отнести первый к «традиционному», а второй к «современному типу» партий. Причем в отличие от «традиционного типа», соответствующего состоянию политической системы общества, «где еще не существует системы организованных партий», второй, «современный тип», адекватно отражает политическую реальность, где «такая система функционирует»¹.

Многие из современников и последователей М.Дюверже осознали необходимость дополнения механизма демократии в условиях неизбежного отрыва парламентских партий от социальной среды силами, способными не только предотвратить утрату последними качеств политических институтов, но и способствующими естественной регенерации их организма. Таковыми, по мнению В.О.Кея, являются наряду с другими средствами гражданского влияния «приводные ремни» – партии второго плана³, нормальное функционирование которых для современной России необходимо еще и в целях легализации диалога общества и власти.

Отсутствие легитимного пути рекрутирования в политический процесс партий второго плана обычно приводили к продуцированию внесистемных партий, нередко экстремистского толка.

Вслед за своими именитыми предшественниками М.Вебером и М.Я.Острогорским, отметившими изъяны, зарождавшиеся в парламентских партиях, М.Дюверже обратил внимание на «болезнь», поражающую их организм.

Изменения, происшедшие во внутреннем строе партий по мере их преобразования из орудия массового противостояния в инструмент конкурентной борьбы за депутатские мандаты в условиях плебисцитарной демократии, заставили М.Вебера обратить внимание на выделение из партийной среды «машины», состоящей из тех, «кто непрерывно ведет работу внутри партийного предприятия»⁴. Другой основоположник партологии, М.Я.Острогорский, назвал эту «машину» кокусом⁵.

Представление М.Вебера и М.Я.Острогорского, основанное на анализе партийной действительности начала прошлого столетия о «машине», или кокусе, безусловно, имело исторический контекст, связанный с массовым характером политических организаций, их программной заданностью и идеологической определенностью. М.Я.Острогорский видел в кокусе сплоченное ядро «передовых и горячих членов партий», «полное сектантского духа», в силу того, что «кокус часто представлял лишь часть партии, и при том наиболее страстную, наиболее горячую, не способствовало обеспечению ему общего сочувствия...»⁵.

Кокус, состоящий из преданных сторонников объединяющей идеи, по мнению М.Я.Острогорского, являлся необходимым механизмом связи сочувствующей партии массы

с парламентской фракцией, представляющей ее интересы.

Несмотря на то что мысли М.Я.Острогорского относительно института партий привязаны к конкретной исторической эпохе, отдельные их нюансы не потеряли значение для будущих партологов. В частности, он заметил, что партийный кокус, выступающий «от имени партии с видимостью права на это», «создавая иллюзию реальных сил», заставляет «признать самостоятельное существование»⁵. М.Я.Острогорский даже сравнил кокус с «ценными бумагами без реальной ценности», тем не менее имеющими покупательную стоимость в силу востребованности и доверия со стороны биржевых маклеров.

Таким образом, в представлении обществоведа партийное ядро не только отрывалось от партийной массы, но и приобретало способность продуцировать нечто, что придавало ему самостоятельный политический вес и было связано с проявлением в общественном сознании устойчивого взгляда о реальности влияния кокуса на массы. Стоит заметить, что и сегодняшняя плата партийной элите за лояльность власти связана с ложным представлением о ее укорененности в социуме.

В транскрипции М.Дюверже подмеченный феномен получил новое звучание. Актуализация семантики понятия «партийная машина», кокус было связано с утратой парламентскими партиями массового характера, и, следовательно, депривацией противоположности партийной массы и руководящего ядра, составляющей основу положений М.Вебера и М.Я.Острогорского.

Комментируя этот сюжет партийной теории своих предшественников, М.Дюверже акцентировал свой взгляд не на веберском утверждении о выделении из партийной среды профессиональных функционеров – партийной бюрократии, а на приобретение партийным ядром нового свойства – распорядителя «транзитного ресурса», позволяющего инкорпорировать в парламент претендентов, не связанных с партийной идеологией, социальной или организационной общностью. В связи с обладанием таким ресурсом партийный аппарат приобретает власть, которая «во многом носит неофициальный характер»¹.

Формируется «теневая структура, которая в действительности и руководит партией, но по существу представляет собой предприятие для завоевания должностей, а также законных и незаконных привилегий, которыми она может обеспечить»¹.

Неслучайно М.Дюверже упускает веберское указание на неотъемлемый элемент «партийной машины» – харизматического вождя, личное обаяние которого как источник рейтинга партии постепенно уступает место достоинствам партии, связанным с ее возможностями в качестве статусного лифта или проводника в замкнутый клан властных элит, при которых личность ее вождя не имеет большого значения. Важнейшим критерием успеха партии становится величина «транзитного» потенциала, являющегося источником не только социального статуса, но и материального благополучия партийной машины. Безусловно, величина такового неодинакова у всех партий и зависит от нескольких обстоятельств.

В странах с развитым гражданским обществом важнейшим фактором повышения способности партий рекрутировать во властные структуры является общественная поддержка. В моноцентричных режимах этот потенциал целиком зависит от степени лояльности власти к партиям. Соответственно, наивысшим потенциалом делегирования во власть обладает партия власти, и, следовательно, ее акции котируются по высшему разряду.

В свете сказанного становится абсолютно очевидным ответ на вопрос, не раз за последнее время поставленный отечественными политологами о том, почему, несмотря на падение доверия общества к «Единой России», число членов этой партии на протяжении последних пяти лет неуклонно росло.

Отсутствует в партологическом наследии М.Дюверже и другой веберовский персонаж партийной машины – плебисцитарный диктатор, или партийный босс.

В представлении М.Вебера босс – это «политический капиталистический предприниматель», не имеющий твердых политических принципов. «Типичный босс – абсолютно прозаический человек. Он не стремится к социальному престижу; “профессионал”, презираемый в “приличном обществе”». «Босс необходим как непосредственный получатель денег от крупных финансовых магнатов». Он необходим партиям, так как прибавляет ее к своим рукам «обеспечивает ее средствами»⁴.

Проникновение рыночных отношений и ценностей в сферу политики открыли М.Дюверже иную картину облика политических партий.

Парламентские партии постепенно трансформировались в разновидность предпринимательской деятельности. Укрепление парламентского статуса, достижение общественно значимых целей отодвинулось на второй план, уступив место в ряду партийных приоритетов стремлению создать конкурентоспособный «политический товар», производство которого предполагает «прибыльность самого предприятия» и не требует менеджера (партийного босса), обеспечивающего пополнение партийной кассы. Источником партийного дохода «чаще всего выступают пожертвования и субсидии каких-либо частных кредиторов – коммерсантов, предпринимателей, банков и других финансовых структур»¹.

В новой конфигурации взаимоотношений спонсоров и партийной машины «нет прямого соответствия между суммами средств, пожертвованных партии, и властью жертвователя над ее организацией»¹. «Партийный бизнес» выглядит как самостоятельный субъект, в том числе деловых отношений. Причем средством конкурентной борьбы в «партийном бизнесе», в зависимости от политической конъюнктуры, могут быть как провластная, так и оппозиционная (в рамках допустимых властью) позиция и риторика. Неслучайно в этой связи в парламентском бомонде современной России мирно уживаются партии, имитирующие острые идеологические разногласия.

Удивительно актуально для оценки симулякра партийной оппозиционности в условиях сегодняшней политической реальности выглядят слова, написанные в 20-е годы про-

шлого столетия В.Парето: «Есть и такие, кому нравится быть в оппозиции к правительству, от которого они, однако, ожидают защиты. Называться социалистом и уповать на правительство, чтобы не пострадать от социализма, – хороший способ получить двойную выгоду»⁶.

Не менее современно, чем сравнительный анализ парламентских и непарламентских партий, выглядит характеристика, данная М.Дюверже, их структурно-функциональной организации.

Первичные структурные звенья партии (комитеты, секции, ячейки) он именуется базовыми элементами или материнскими клетками, потому что в его представлении именно они составляют фундамент, придавая облик подлинного субъекта политического процесса, а не «теневого бизнеса».

В противоположность институтам, тяготеющим к ассоциации (клубам, молодежным и женским движениям, спортивным объединениям и т.д.), базовые элементы обеспечивают партиям идейное и организационное единство и непосредственно связь центра с партийной периферией, т. е., по существу, составляют необходимое основание для идентичности массовой политической организации¹.

Напротив, трансформация современных парламентских партий в качестве одной из доминирующих тенденций представлена рецессией масштабов и значения первичного звена партийной системы. Роль сохраняющихся местных партийных организаций, по сути, сводится к банальному транслированию воли центра.

События новейшей партийной истории России заставляют вновь обратиться к разделу книги М.Дюверже, который, как представляется, и сам считал скорее данью прошлому. Речь идет о разделе, посвященном партийной милиции, «внутренней армии, члены которой организованы по военному, подчинены той же дисциплине и получают ту же подготовку, что и солдаты».

Материал для изучения этого партийного феномена М.Дюверже черпал из истории «итальянских боевых фаший, созданных в 1921 г.», и «гитлеровских штурмовых отрядов»¹.

Для того чтобы оценить в наши дни попытки реанимировать нацизм с его партийными атрибутами, использование приемов фашистов в виде организованных по-военному бригад молодежи другими партиями, следует иметь в виду, в том числе и указания, высказанные на этот счет французским партологом: «Ясно, что милиция еще более далека от избирательной и парламентской деятельности, чем ячейка (партийная организация на производстве, – *Авт.*). И еще очевиднее, что она представляет собой не орудие организации, а средство разрушения демократического режима»¹.

Рассуждения М. Дюверже о силе и слабости партийной структуры с точки зрения сравнения организационных принципов социалистических и либеральных партий не вызывают прямых ассоциаций с положением современных партийных систем. Даже КПРФ, в наибольшей

степени позиционирующая себя преемником большевистских традиций, имманентных единственному организационному принципу демократического централизма и строгого подчинения меньшинства большинству, во внутреннем построении отошла от ригоризма своих предшественников.

По мере интеллектуализации и атомизации общества постмодерна жесткие принципы построения политических объединений, как и рудименты, упомянутые в предшествующем сюжете, постепенно уходят из политического пространства, или, по крайней мере, их архаичность не вызывает сомнений у большинства цивилизованного общества*.

И тем не менее констелляция партийной структуры М.Дюверже имеет выход на современность. В результате исследования организационных принципов автор приводит ряд формул, остающихся аксиоматичными не только для современной, но и для будущей партийной организации. Например, он видел слабость такой организации, где большую часть ее руководящего состава занимают несменяемые функционеры – «члены по праву», которая «задумана, чтобы заглушить голос отдельного члена партии и отдать всю власть небольшим олигархическим группам», и, например, силу той, которая «выступает как организованная общность, все базовые элементы которой занимают определенное место, обусловленное их взаимным значением»¹.

Считая вертикальный тип интеграции партийного сообщества от

* В смысле интеллектуально и духовно развитой части общества.

центра к периферии уделом коммунистических партий, М.Дюверже утверждал, что необходимым условием укрепления партийной структуры является горизонтальное интеграционное направление от «базового элемента» к «базовому элементу»¹.

Транзитный характер современного социально-политического процесса России позволяет увидеть некоторую аналогию с условиями периода создания партологического труда М.Дюверже.

Контекстом исследования партий для него стала эволюция общества в постиндустриальное состояние. Однако этот тренд был еще далек от своей логической определенности. В этом смысле политолог столкнулся, как и современные отечественные исследователи, с переходными политическими явлениями, находящимися в мобильном состоянии, и вследствие этого обуславливающими наличие в партийных системах диффузионных пространств и феноменов с характеристиками прошлого, настоящего и будущего.

Исследуя степень интеграции партии и общественных сил, М.Дюверже выделил «массовые» партии, появление которых он связывал с классовой консолидацией трудящейся массы, и «кадровые», уходящие корнями в аристократические объединения, отстаивающие свои сословные привилегии в борьбе с зарождающейся буржуазией¹.

Рассмотрев «кадровую» партийную систему, на первый взгляд теряющую свою социальную перспективу, обрисовав ее сущностные черты, М.Дюверже на самом деле представил ясную картину партийного фе-

номена более чем актуального не только с точки зрения его всеобщности, но и с точки зрения изучения российского партогенеза.

В отличие от «массовых партий», основанных на организационной связи со своими членами, в том числе через систему партийных взносов, «кадровые партии» в представлении французского обществоведа являлись «объединениями нотаблей». Цель таких партий сводилась к тому, чтобы «подготовить выборы, провести их и сохранить контакт с кандидатами».

В составе «кадровых партий» М.Дюверже выделял несколько категорий тех, кто обеспечивает их успех. «Прежде всего это нотабли влиятельные, – отмечал он, – чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее нотабли технические, – те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые – они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значения прежде всего, – это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния»¹.

Экстраполяция модуса «кадровой партии» на современную российскую политическую реальность может стать основой концептуализации отечественного партогенеза. Парламентские партии нашей страны как нельзя лучше воспроизводят представления М.Дюверже о партиях такого типа.

Конечно, конкретное исследование может оживить абстрактно-теоретическую картину их облика отли-

чиями «идеологического антуража» или особенностями, связанными с личностями лидеров, но по большому счету концепция М.Дюверже исчерпывает эвристические направления определения их места и роли в политическом процессе.

«Кадровые партии», сконцентрировавшиеся в своей деятельности исключительно на достижении узкокорпоративных целей, не просто утрачивают доверие масс, но по своей природе не заинтересованы в расширении своих рядов, увеличении влияния «базовых элементов», создания механизма рекрутирования в руководящее ядро свежих сил. М.Дюверже на этот счет высказывался вполне определенно: «Некоторые из них делают вид, будто они тоже, по образу и подобию «массовых партий», заинтересованы в рекрутировании новых членов, но это не следует принимать всерьез»¹.

Если массовые политические партии в силу потребности постоянной поддержки организационного и идейного единства всегда наделены элитократической потенцией, то «кадровые партии» изначально склонны к олигархизации. Говоря о партии имущих, М.Дюверже утверждал, что таковая не нуждается в привлечении масс ни в финансовом, ни в политическом смысле: она располагает собственными кредиторами, нотаблями и собственными элитами¹.

Не требуется других объяснений, кроме приведенных доводов М.Дюверже, фактов поразительной аутентичности персонажей, выдвигаемых в представительные или исполнительные органы власти партиями, проповедующими различные идео-

логические принципы. Как ни странно, в качестве таковых в партийных матрикулах нередко оказываются «преуспевающие бизнесмены», зачастую с криминальной репутацией.

Наложение теоретического клише «кадровых партий» на российскую партийную систему ведет к неутешительному выводу о том, что институциональные качества парламентских партий выстроены адекватно функциональному содержанию, а характер их деятельности обуславливает основные черты партийного облика. Надежда на то, что существующие парламентские партии вернутся или вырастут через процедуру самосовершенствования до традиционной роли носителей общественных интересов утопична.

В сравнении с проектом трансформации партий власти из парламентского-публичного «придатка бюрократии» в полноценную доминантную партию», то горбачевский замысел преобразования КПСС из государствообразующей партии в «ведущую силу общества» выглядит более реалистичным.

Понимая неизбежность ухода с исторической сцены действительно массовых партий и отдавая себе отчет в неспособности существующих парламентских партий выражать интересы общества, М.Дюверже тем не менее не отказывал этим политическим институтам в праве на существование. В качестве направления совершенствования партийной системы постиндустриального общества он выдвигал «социальный проект» постепенного перехода «к новой концепции, к третьей категории – партии «верных»,

более открытой по сравнению с «кадровой» и более закрытой, чем «массовая»¹.

В противоположность партиям с радикальными программными установками, или партиям, существующим в странах с тоталитарными режимами, в которых автократия возведена в официальный принцип организации, М.Дюверже увидел проявление этой тенденции в демократических партиях, действующих в демократических странах. Причину этого исследователь видел в повышении «конкуренентоспособности» партий, управляемых единым центром. «Демократические принципы требуют выборности руководителей всех уровней, постоянного их обновления, коллективного характера деятельности, ограничения власти, – писал он, – но партия, организованная подобным образом, будет плохо вооружена для политической борьбы»¹.

Трансформируясь в «партийное предприятие» с особой сферой «политического бизнеса», партии по образу и подобию деловых структур воспринимают их естественное качество – стремление к концентрации власти в руках ограниченного круга менеджеров. Неслучайно именно аналогия с предпринимательской структурой пришла в голову французскому мыслителю, который раскрыл смысл этой новейшей партийной метаморфозы.

Партии с богатыми демократическими традициями тщательно скрывают проявление авторитаризма, чего не сказать о молодых рос-

сийских партиях, в которых эта тенденция лежит, что называется, на поверхности. Но так или иначе, «авторитарные и олигархические процедуры осуществляются обычно в обход уставов, с помощью целого ряда закулисных, но весьма результативных приемов»¹.

Важно отметить, что в условиях скрытых или явных подвижек партийной системы к авторитаризму «действительными вождями партии нередко оказываются не видимые вожди, а совсем другие люди»¹. Думается, неслучайно в современном российском политологическом лексиконе появился термин «кукловоды»*, адекватно отражающий феномен латентного руководства политическими силами вообще и партиями в частности.

М.Дюверже обстоятельно осветил возможные методы манипуляции для достижения целей выстраивания партийной вертикали. Набор средств, которыми пользуются партийные функционеры для укрепления своего руководящего статуса, приводимый им, так же современен, как и желание элит подчинить партии своим интересам. В ряду таковых М.Дюверже называет самый старинный и проверенный инструмент:

– не прямые выборы – «замечательное средство устранить демократию и одновременно создать впечатление демократичности»;

– фрагментирование аудитории выборщиков («выборы партийных руководителей малой группой делегатов и прямой их выбор массой членов партии – совсем не одно и то же»);

* Дюверже М. называет их «серыми кардиналами».

– выдвижение партийных функционеров в качестве делегатов конференций и съездов, где должно избираться партийное руководство;

– «презентация кандидатов», «фальсификация списков избирателей и фальсификация голосования»;

– выборы для выдвижения «нужных кандидатов» территорий и округов, где сила их сторонников очевидна;

– внезапное назначение сроков выборов партийного руководства, препятствующее организовать оппозицию;

– замена процедуры тайного голосования голосованием «с помощью поднятых рук, что совершенно меняет характер голосования»;

– организация поддержки официальным кандидатом «лица, имеющего вес в общественном мнении»;

– искусство «действовать в кулуарах съезда»¹.

Отмеченная тенденция олигархизации современной партийной системы, по мнению М.Дюверже, ведет к персонализации партийной власти, идя вразрез с ожиданием Дюргейма, видевшего в ослаблении власти вообще и ее последовательной институализации магистральное направление развитие демократии¹.

Анализируя современные политические системы, М.Дюверже отмечал более чем актуальный для нашей страны феномен, проявляющийся во всех многопартийных системах, – синистризм¹. Под этим явлением автор подразумевал «скольжение партийной системы влево»*.

В политической практике синистризм реализуется в тенденцию «поправления» левых партий, добившихся представительства в парламенте и замещения вакуума левых настроений электората новой радикальной партией. «Синистризм, – пишет М.Дюверже, – это выражение в политической сфере той социальной эволюции, которая создавала «новые слои», вынужденные добиваться доступа к власти в период, когда современная система политических партий выступает уже сложившейся и достаточно развитой»¹.

В контексте российского политического процесса эта негативная тенденция дополнительно фундируется глубоким расколом социума, «водораздел» которого проходит между сторонниками реставраторских настроений и их противниками. Разочарование социалистически настроенного электората в просоциалистических парламентских партиях (КПРФ, «Справедливая Россия»), неспособных в силу своей новой социальной роли стать подлинными выразителями его интересов, обуславливает создание все новых и новых общественных организаций, в том числе радикальных и даже экстремистских.

Жесткий режим регистрации партий, дополнительно к социальному механизму консолидации левых настроений, канализирует их в неформальное русло неиерархизированных связей и спонтанных протестных акций. Особую актуальность для российского политического процесса имеет указание М.Дюверже на

* Синистризм (франц.) – зловеший, мрачный, роковой, пагубный, угрожающий.

закономерность, связанную с функционированием «пропорционального представительства».

Политолог разделял точку зрения, согласно которой «система пропорционального представительства обладает тенденцией к умножению партий». Страны с такой системой принимают «специальные меры предосторожности, чтобы избежать появления карликовых партий»¹. Как правило, такие ограничения выражаются в установлении «избирательной квоты», препятствующей прохождению в парламент малочисленных политических объединений, не имеющих достаточной поддержки электората.

Чуткая к изменениям общественного мнения пропорциональная система, ограниченная специальным парламентским порогом, является себя вполне функциональной. Однако в преломлении российского опыта ее функциональность выглядит весьма проблематично, так как существующая «избирательная квота» в сочетании с жестким режимом регистрации партий создает условия, иницирующие, с одной стороны, политическую апатию населения, а с другой – нечувствительность парламентских партий к общественным настроениям.

Деструктивная синергетика национальной особенности пропорциональных систем и ее всеобщая нечувствительность «к нормальной эволюции мнений» и восприимчивость «к внезапным его метаниям даже временным и слабым», о чем предупреждал М.Дюверже¹, создает потенциальную опасность нестабильности политической системы страны.

Важным с точки зрения концептуализации новейшей истории российского партогенеза представляется раздел партологического наследия М.Дюверже, характеризующий партии парламентского большинства «исключительно редким явлением при многопартийных режимах», которое, в его представлении, «встречается там только в варианте доминирования, да и то бывает сомнительным»¹.

Положение партии парламентского большинства предполагает «реалистичность» ее позиции, определенность и четкость границ предлагаемых партией реформ, доминирующее положение в обществе. При этом совсем не обязательно положение, при котором «доминантная партия» одновременно является партией большинства, но обратная зависимость безусловна. «Не будем только смешивать, – писал М.Дюверже, – доминирующую партию с партией мажоритарной, или с партией парламентского большинства. Партию можно назвать мажоритарной, когда ей одной принадлежит более половины парламентских мест»¹.

Определение доминантной партии в концепции французского обществоведа имеет семантическую близость с социологией А.Грамши. Ведущая роль в историческом прогрессе принадлежит доминирующей группе, осознающей себя в качестве субъекта общенационального процесса, воспроизводящей «философию эпохи» и выходящей в своих устремлениях за рамки собственных социальных интересов⁸.

В след за А.Грамши М.Дюверже считал доминантную партию носи-

телем «доминантной доктрины», создающей в определенную эпоху «основные интеллектуальные рамки, общую инфраструктуру мысли»¹. «Доминантная партия, – писал М.Дюверже, – это партия, которая отождествляется с какой-то опреде-

ленной эпохой; ее доктрина, ее идеи, ее методы, в известном смысле сам ее стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи»¹. Главное, считал политолог, что это такая партия, «которой общественное мнение больше других верит»¹.

Актуальность взглядов М.Дюверже для современной России не вызывает сомнений. Необходимость подлинно доминантной партии, носителя идеи национального большинства в российском обществе очевидна, как очевидна и необходимость консолидации социума, расколотого по имущественному, социальному, идеологическому признакам.

Вряд ли в обозримом будущем институт политических партий уйдет с исторической сцены. Позиция, отражающая точку зрения, которая отказывает партиям в социальной перспективе, вряд ли оправданна. Безусловно, их морфология, функциональное содержание и направление эволюции будут меняться вместе с трансформацией общества и конфигурацией их места и роли в политическом процессе.

Также очевидно, что транзитный характер отечественного партогенеза предполагает особую мобильность партийной системы нашей страны.

В связи с этим поиск ответов на множество возникающих в процессе столкновения российских партий вопросов актуализирует наследие ведущих партологов, одним из которых является знаток этой политической отрасли знания Морис Дюверже.

Примечания

¹ Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А.Зиминой. Изд-е.4. М.: Академический Проект, 2007. С. 29, 35, 37, 196, 42, 96, 58–59, 79, 81, 86–87, 95, 114–121, 115–116, 119, 120, 182, 183, 184, 188–190, 191–193, 215, 263, 297, 370, 340, 365, 364, 336.

² Зульцбах В. Основы образования политических партий / пер. с нем. И. Гиляровой. М.: Европа, 2006. С. 286.

³ Key V.O. Politics, parties and pressure groups. 5th ed. N.-Y.: Thomas Y. Growell, 1964.

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Политические работы 1895–1919 / пер. с нем. Б.М.Скуратова; послесл. Т.А.Дмитриевой. М.: Праксис, 2003. С. 644–707, 682, 683.

⁵ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 91–122, 103, 107, 108.

⁶ Парето В. Трансформация демократии / пер с итал. М. Юсима. М: Территория будущего, 2011. С. 83.

⁷ Макаренко В. «Нанопартийная система» // Pro et Contr. 2007. Июль–окт. С. 49.

⁸ Новейший философский словарь / сост. А.А.Грицанов. М., 1998.